

— Дядя, сколько ещё мы будем здесь слушать? — Сяо Ду склонился ко мне, его губы едва шевельнулись, и я услышал тихий, хриплый шёпот. — История моих второго и третьего братьев вас не испугала?

Его горячее дыхание проникло в ухо, заставив меня вздрогнуть. Я покачал головой, не желая признаваться, что испугался именно его.

— Твои братья и впрямь отличились, — холодно усмехнулся я. — Интересно, что твой отец об этом подумает.

— А вы что думаете, дядя? — Он протянул руку, снял с моих волос упавший лепесток сливы, и его пальцы скользнули по краю уха, обжигая кожу. Подняться сейчас, чтобы не спугнуть братьев, я не мог, да и устал уже держаться на локте. Пришлось лечь на землю и смотреть вверх, на лицо Сяо Ду, скрытое во мраке. Я криво улыбнулся. — Твои второй и третий братья поправили все нормы. Подобный скандал в императорской семье непростителен.

Сяо Ду ненадолго замолчал:

— Непростителен?

Я прищурился. Неужели этот парнишка дрогнул? Разве не его обижали с самого детства?

— Разумеется. В прошлые времена уже был прецедент. Когда-то мой седьмой брат влюбился в пятую сестру. Когда их связь раскрылась, брата сослали в Инчжоу мелким уездным князем, а сестру выдали замуж на чужбину. Оба навсегда лишились права претендовать на трон. Я как раз и хочу использовать связь твоих братьев, чтобы расчистить путь тебе, глупому мальчишке. Не забывай, что помимо Сяо Юя над тобой ещё двое братьев и сестра. Так что это будет двойной удар.

Сяо Ду произнёс задумчиво:

— Дядя прав... В будущем я вас не подведу.

Едва он договорил, как вдалеке раздался протяжный сладострастный стон, а затем наступила тишина. Послышались удаляющиеся торопливые шаги, и всё вокруг замерло. Убедившись, что Сяо Цзин и Сяо Мо ушли, я согнул ногу, собираясь подняться, но в икру впилась острая боль. Я со свистом втянул воздух. Сяо Ду, отодвинувшись на коленях, одной рукой подхватил мою травмированную ногу. В тот же миг моё колено едва заметно коснулось чего-то твёрдого и горячего, скрытого под плотной тканью. Я взглянул на волчонка: он сидел на земле, его бёдра скрывала тень, но и без того было понятно, что с ним.

Неужели этот молокосос возбудился, подслушивая за братьями?

Сяо Ду перекинул мою ногу через плечо, ухватился за торчащий из икры острый предмет, и я наконец разглядел, что это обломок деревянной шпильки. У меня похолодело внутри. Не иначе как напала нечистая сила? Какая дурная примета.

— Вытаскивай быстрее, — тихо приказал я.

— Будет больно. Потерпите, дядя. — Сяо Ду прижал большой палец к сосудам возле раны и одним движением выдернул занозу. Я стиснул зубы, не вскрикнув, лишь почувствовал, как из раны хлынула кровь, пропитав штанину. Сяо Ду снял с головы повязку, зажал один конец зубами и туго перетянул мне икру. Потом наклонился, обхватил за талию, поднял и отнёс в

покои, уложив на постель.

Я полулёг, опершись о стену, и сквозь полуопущенные веки наблюдал, как Сяо Ду стаскивает с меня окровавленные сапоги. Мне вдруг почудилось, будто эта сцена уже случалась, но когда — вспомнить не мог. В следующее мгновение он ловко снял и носки, обнажив пострадавшую ногу. Повязка пережала сосуды, и кровь из прокола почти перестала сочиться, лишь тонкая полоска засохшей крови тянулась до щиколотки, уродливо выделяясь на бледной, худой коже, — зрелище, от которого мне вспомнилась её прежняя, крепкая стать.

Сяо Ду нахмурился, разглядывая рану:

— Я позову придворного лекаря.

Я отмахнулся:

— Пустяковая царапина, не стоит. Принеси-ка лучше вина, только отца своего не тревожь.

Сяо Ду кивнул, вышел в коридор и приказал слуге:

— Принеси вина. Я хочу выпить с Верховным императором. Живо.

— Слушаюсь, пятый принц.

От потери крови и слабости сознание начало меня покидать. Я откинулся на подушку, и мысли поплыли. Холодок, а затем боль в ноге вернули меня к реальности. Я приоткрыл глаза и увидел, что Сяо Ду вытирает мою рану тем самым платком, что я ему когда-то подарил. Движения его были нежны и осторожны, а мягкий свет свечей сгладил врождённую резкость его черт, придав им какую-то смутную двусмысленность. Взгляд мой упал на шёлковый платок в его руке, и золотая вышивка на уголке заставила сердце екнуло, окончательно прогоняя сон.

— Какой мальчишка в его годы будет носить с собой чужой, уже использованный платок?

Если бы ему было года два, это ещё можно было бы списать на неразумение, но ведь шестнадцать уже...

Я вздрогнул и дёрнул ногой, но Сяо Ду лишь крепче сжал её, не отпуская.

Он не поднимал головы, но пальцы его впились в мою кожу:

— Дядя, ещё не всё чисто.

Я почувствовал, что моя нога в руках шестнадцатилетнего юнца словно беспомощная рыба, выброшенная на берег. Меня охватило раздражение, но срывать было нельзя, и я лишь тихо процедил:

— Отпусти.

Сяо Ду молча стянул мою ногу пониже, снова перекинул её себе на плечо, наклонился и приник губами к самой ране. Я пришёл в ярость, но в тот же миг почувствовал, как он с силой всосал ещё одну занозу, отвернулся, выплюнул её и вытер с губ капельку крови.

Спустя некоторое время он наконец заговорил:

— Дядя.

— Что?

— Если я вам надоел... я буду реже вас беспокоить.

Я опешил, а затем рассмеялся от этих детских слов:

— С чего ты взял, что ты мне надоел?

Сяо Ду сглотнул:

— Я... боюсь.

Вероятно, я слишком много надумал. Всего лишь ребёнок, который слишком цепляется за единственного человека, проявившего к нему участие.

Я усмехнулся:

— Как я могу тебя ненавидеть? Я тебя лелею.

Уголок губ Сяо Ду дёрнулся:

— Мало.

— О? — Я приподнял бровь, ожидая продолжения.

Он опустил глаза и сквозь зубы выдавил:

— Я хочу вас, дядя...

Помолчав, добавил:

— ...вашего внимания. Хочу стать вашей опорой.

В груди что-то дрогнуло. Этот волчонок, оказывается, столь искренен и предан. В этих необъятных дворцовых стенах мы, отпрыски императорского рода, лишь кажемся всемогущими, окружёнными толпами приспешников. На деле же никто ни для кого не является опорой. Каждый сам за себя, и пути наши редко совпадают. А взойдя на престол, прорубая себе дорогу сквозь тернии, оказываешься на самой вершине — и становишься окончательно одинок, ибо холодно там, на высоте.

— Дуэр, если ты так думаешь, значит, я не ошибся в тебе, — смягчив голос, сказал я и улыбнулся. — Ну же, подвинь столик. Разве не ты хотел выпить со мной? Давай сегодня, дядя с племянником, напьёмся в стельку, а?

Но Сяо Ду, не поняв намёка, поднялся, убрал мою ногу с плеча обратно на постель и, сохранив наклонённую позу, медленно поднял на меня глаза. Его зелёные зрачки мерцали в полутьме, словно у волка, выслеживающего добычу:

— Дядя, вам лучше не пить. А то опять захмелеете и начнёте вспоминать прошлое. Я и сам сегодня на пиру много выпил, голова тяжёлая, больше не могу.

— Ты...

Я был озадачен его внезапной переменчивостью. Он выпрямился, подобрал с пола

окровавленные носки и, не взглянув на меня, направился к двери.

— Я распорядюсь, чтобы Управление гардероба приготовило вам чистую одежду. Отдыхайте, дядя.

Бросив это, он вышел.

Оставшись в дураках из-за этого взбалмошного волчонка, я в досаде повалился на постель. Полежав с минуту, я вспомнил, что не разделся, и позвал слуг, чтобы те помогли мне умыться и сменить одежду. Заметив, что один из евнухов довольно миловиден, я вознамерился оставить его на ночь. По правилам, раз Сяо Лань взошёл на трон, все дворцовые слуги, независимо от пола, принадлежали ему. Но мне было наплевать. Он отнял у меня трон, так какая мне разница, воспользуюсь я его евнухом или нет? Неужели он сможет предъявить Верховному императору обвинение на таком основании?

— Верховный император, это... не по правилам, — прошептал евнух, стоя на коленях у ложа и дрожа, будто Лян Шэн в первую свою ночь.

— Какие ещё правила? Если император спросит, скажешь, что такова была моя воля. — Я приподнял его подбородок, сел, слегка раздвинул бёдра и смотрел на него свысока. — Знаешь, что делать?

Евнух покраснел до корней волос и кивнул. Его руки потянулись к шёлковому поясу моей ночной рубашки.

Я перехватил его ладонь и усмехнулся:

— Не руками.

Евнух снова кивнул, опустив голову ещё ниже.

Я откинулся на подушку, подперев голову рукой, и в ленивом ожидании приготовился принять его услуги. Ранняя весна будоражила всё живое, и я, долгое время соблюдавший воздержание, не был исключением. Сегодняшняя сцена, подслушанная у беседки, не могла оставить меня равнодушным.

Я ведь не камень.

— Поднимайся, не стой всё время внизу.

<http://bllate.org/book/15952/1426319>